

DOI: 10.31857/S086904990017880-0

Оригинальная статья / Original Article

Труд и отношение к нему: до и после модерна

© А.В. ШИПИЛОВ

Шипилов Андрей Васильевич, Воронежский государственный педагогический университет, (Воронеж, Россия), andshipilo@yandex.ru

Статья посвящена проблеме изменения характера труда и отношения к нему, актуальность которой возрастает в силу текущих трендов социально-экономического развития. Автор обращает внимание на то, что лишь в индустриальном обществе, которое сформировалось в Европе XIX в. в результате промышленной революции, труд рассматривался как способность, потребность и обязанность человека, как то, что сделало и делает его человеком. Позитивный ценностный статус труда до некоторой степени сохраняется и сегодня, однако общество перестало быть индустриальным из-за перетекания рабочей силы из промышленности в сервис, что обусловлено повышением производительности труда. В постиндустриальном обществе труд сокращается в пользу досуга, ценность второго растет, а первого – падает. В связи с данной особенностью стоит вспомнить, что в аграрном обществе, в эпохи Античности и Средневековья труд рассматривался как антиценность и был уделом низших классов и сословий. Отношение к труду в постиндустриальную эру сближается с отношением к труду в доиндустриальный период, из позитивного превращаясь в негативное, тогда как досуг становится самоценным и самоцельным. Можно согласиться с мнением, что цивилизация труда сегодня сменяется цивилизацией досуга.

Ключевые слова: труд, досуг, трудовая этика, ценность труда, аграрное, индустриальное, постиндустриальное общество

Цитирование: Шипилов А.В. (2021) Труд и отношение к нему: до и после модерна // Общественные науки и современность. № 6. С. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0

Labor and Attitude To It: Before and After Modernity

© A. SHIPILOV

Andrey V. Shipilov, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia), andshipilo@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the changing nature of labor and attitudes towards it. The relevance of this topic continues to grow due to current trends in socio-economic development. The author draws attention to the fact that only in the industrial society, which was formed in Europe of the XIX century as result of the industrial revolution, labor was seen as the ability, need and duty of a person, as something that did and makes him a person. The positive value status of labor persists to some extent even today, but the industrial society has ceased to exist due to the overflow of labor force from industry to service. This overflow happened because of the increase in working efficiency. In the postindustrial society the process of a general reduction in labor in favor of leisure is unfolding as the value of the latter increases and the value of the former decreases. In this regard, it is useful to remember that in the agrarian society, as well as in the era of Antiquity and the Middle Ages labor was viewed as an anti-value and was the occupation of the lower classes and estates. The attitude towards labor in the post-industrial era approaches the attitude of the pre-industrial period, turning from positive to negative, while leisure becomes self-valuable and self-sufficient. Thus, one can agree with the opinion that the civilization of labor is being replaced today by the civilization of leisure.

Keywords: labor, leisure, work ethics, value of labor, agrarian, industrial, post-industrial society

Citation: Shipilov A. (2021) Labor and Attitude To It: Before and After Modernity. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0 (In Russ.)

Человек труда

Вопреки распространенному мнению, Ф. Энгельс не писал, что «труд создал из обезьяны человека». Он считал, что «труд создал самого человека», что труд есть «первое основное условие всей человеческой жизни» и что труд вместе с прямохождением, инструментальным использованием рук, членораздельной речью и пр. превратил мозг обезьяны в человеческий мозг, а стадо обезьян – в человеческое общество. «И в чем же опять мы находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян?», – задавался вопросом классик и тут же отвечал: «В труде» [Энгельс 1941, 134, 138]. Как известно, речь шла не только о роли труда в превращении обезьяны в человека, но и о том, что, словами другого классика, труд есть «вечное естественное условие человеческой жизни»: совместный и орудийный труд как целенаправленная деятельность по производству благ, которые удовлетворяют потребности человека, есть то, что перманентно воспроизводит его в качестве такового. В процессе производства Номо Faber создает не только вещи, но и себя самого как творца/производителя, что отличает его от присваивающего у природы животного. Предполагалось, что при наступлении коммунизма, который предполагает изобилие предметов потребления, человек не просто продолжит трудиться – «труд станет первой жизненной потребностью людей и из тяжелого бремени превратится в наслаждение» [Краткий философский... 1954, 610–612; Философский энциклопедический... 1989, 667].

Относиться к данному идейному комплексу можно по разному: кто-то считает, что капиталистическая по происхождению и коммунистическая по предназначению «религия труда» есть средство добровольной самоэксплуатации работника, который

предается извращенным радостям трудоголизма – болезни, разрушающей его физически и психологически [Фишман, Мартьянов, Давыдов, 2019, 33; Сидорина 2018, 68]. Кто-то убежден в том, что труд есть судьба человечества – то, что создало человека и дает ему смысл жизни – и в отсутствие этого самого труда человек деградирует до потребительского паразитизма [Кутырев 2017]. Как бы то ни было, стоит заметить, что марксистская позитивная аксиология труда сложилась в русле младогегельянства, а Гегель считал, что труд поднимает преобразующего природу раба над лишь потребляющим производимые им блага господином. Как пишет Ф. Фукуяма, «согласно Гегелю, работа есть сущность человека: трудящийся раб создает человеческую историю, преобразуя естественный мир в мир, обитаемый человеком» [Фукуяма 2005, 340]. Известно, что Гегель был достаточно укоренен в протестантской традиции, в связи с чем нельзя не вспомнить о протестантской этике и духе капитализма. Конечно, он был далек от кальвинистского пуританства, но все же интересны замечания М. Вебера о присущей такому пуританству страстной проповеди «упорного, постоянного физического или умственного труда», где труд не просто средство аскезы – «он как таковой является поставленной Богом целью всей жизни человека», тогда как «нежелание работать служит симптомом отсутствия благодати» [Вебер 2006, 113]. В данном контексте конфессиональные (и национальные) различия, видимо, не столь важны – Л. Февр прослеживает, как понятие «труд» во французской католической среде с XVI по XIX вв. приобретало все более положительные коннотации. Его все реже видели как проклятие, которое тяготеет над обездоленными, и все чаще представляли обязательным общественным долгом, противопоставляя труд пагубной праздности монахов, вельмож и рантье [Февр 1991, 364-370]. В XIX столетии, по словам Й. Хейзинги, «труд и производство становятся идеалом, а вскоре и идолом. Европа надевает рабочее платье» [Хейзинга 1992, 216]. В индустриальном обществе труд начали воспринимать как сущностную способность, обязанность и потребность человека («Как известно, важнейшим видом человеческой деятельности является труд» [Волков 2009, 27]), вследствие чего формировался «трудоцентричный образ жизни» [Сидорина 2018, 57].

Труд человека

«Идея труда, которая кажется нам самоочевидной, является определенным историческим изобретением», – указывает П. Бурдьё [Бурдьё 2019, 189]. «Изобретение» принадлежит индустриальному обществу, где наемный пролетариат сменил самозанятое крестьянство в качестве наиболее массового социального класса. На протяжении полутора столетий население Европы и Северной Америки перемещалось из деревни в город, а рабочая сила – из сельского хозяйства в промышленность. В 1800 г. во Франции 64% общей занятости приходилось на долю сельского хозяйства, 22% – на долю промышленности, в США на тот же год это соотношение составляло 68% и 18%. Сто лет спустя, в 1900 г., на французское сельское хозяйство пришлось 43% занятости, на промышленность – 29%, а в США – 41% и 28% соответственно. В 1950 г. промышленность Франции обеспечивала 33% занятости по сравнению с 32% в сельском хозяйстве, а в США при тех же 33% промышленной занятости на долю сельского хозяйства осталось только 14% [Пикетти 2015, 104].

Переход от аграрного хозяйства к индустриальному производству изменил характер труда. Крестьянский труд отличался нерегулярностью и временной дискретностью. Периоды интенсивной работы чередовались с низкоинтенсивным трудом и отдыхом в дни многочисленных праздников. «В аграрном обществе труд и работа подчинялись сезонному ритму и погодным условиям», – пишет Г. Стэндинг [Стэндинг 2014, 206]. В отличие от крестьянина, труд городского рабочего был организован дисциплинарно контролируемыми последовательностями смен и недель. Индустрия эпохи пара и электричества предполагала, что определенное количество работников должно присутствовать

в одном месте в одно время, взаимодействуя с машинами и друг с другом в процессе производства [Кинг, Лайтман, Рангасвами, Ларк 2018, 87].

В результате труд стал постоянным, регулярным и хронометрически упорядоченным. Именно в таком виде аксиологически и идеологически он вошел в массовое сознание как самоцель и самооценочность. О распространенности соответствующих представлений и ценностей свидетельствует тот факт, что 64% респондентов общеевропейского опроса 2016 г. высказались за введение безусловного базового/основного дохода (ББД – выплата, обеспечивающая удовлетворение всех основных нужд, которую предоставляют вне зависимости от наличия у человека иных источников дохода или места работы). Однако только 7% указали, что в случае получения ББД станут меньше работать [Фишман 2019, 335; Парайс, Вандерборхт 2020, 225]. «Работа очень глубоко въелась в нашу идентичность», – отмечают Н. Срничек и А. Уильямс, – «...тот факт, что большое количество людей не может даже представить себе осмысленной жизни вне работы, показывает, до какой степени наше сознание заражено трудовой этикой», преодоление которой «потребует от нас преодоления самих себя» [Срничек, Уильямс 2019, 179, 181].

Представляется, что в случае необходимости преодоление индустриальной трудовой этики не потребует подобных подвигов, так как само индустриальное общество на протяжении последних десятилетий все больше сокращается. Возвращаясь к приводимым Т. Пикетти данным по занятости в сельском хозяйстве и промышленности, отметим, что в США на 2012 г. в первом осталось 2%, в последней – 18% трудоспособного населения (вместе со строительством, без него – 10%), во Франции – 3% и 21% соответственно, в Германии с 1980 по 2011 г. доля занятых в промышленности снизилась с 34% до 20% [Пикетти 2015, 104; Фишман 2019, 154]. От двух третьих до четырех пятых занятости в развитых странах теперь обеспечивает сфера услуг: в настоящее время в сельском хозяйстве работают от 1,5% до 4% трудоспособного населения, в промышленности доля занятых не превышает 20–25% (как и в развивающихся странах), а все остальное приходится на сферу услуг – 70–80% [Жвитаишвили 2013, 35; Мейсон 2016, 269]. Тенденция к росту сервисной сферы обсуждается более полувека: уже в 1970–1980-е гг. теоретики постиндустриализма констатировали прогрессирующее снижение доли рабочего класса в структуре занятости, когда «синие воротнички» уступили первенство «серым» и «белым», и все больше работников оказались занятыми в сфере услуг и управления [Белл 2004, 173–179; Тоффлер 2004, 301]. Перетекание рабочей силы из индустрии в сервис произошло по той же причине, что и ее переход из сельского хозяйства в индустрию – производительность труда возросла ввиду технико-технологического развития. С 1960 по 2011 гг. в промышленности она возросла в 4 раза в Германии, в 5 раз в США и в 12 раз в Японии [Фишман 2019, 154–155]. Соответственно, за те же полвека численность пролетариата в развитых странах уменьшилась вдвое, и данный процесс продолжается. Индустриальные корпорации, увеличивая выпуск продукции, сокращают количество рабочих – росту производства соответствует не увеличение, а снижение занятости [Колганов, Бузгалин 2014, 91–93; Мартьянов 2017, 142]. По мере автоматизации промышленности все меньше рабочих создают все большее количество продукции/стоимости, а высвобождающуюся рабочую силу поглощает сфера услуг.

Сокращение труда

Так выглядел процесс постиндустриализации до конца XX в., но в начале текущего столетия ситуация стала меняться. В последние десятилетия рост ВВП коррелирует с падением занятости и сокращением совокупного рабочего времени не только в индустриальном секторе, но и в производстве товаров и услуг в целом [Мартьянов 2017, 142]. В сервисе так же, как и в индустрии, снижается значение труда. Прогрессирующая авто-

матизация и роботизация, в отличие от предшествующих технологических нововведений, создают значительно меньше новых рабочих мест, чем упраздняют. В таких условиях даже фазы экономического подъема не продуцируют новые рабочие места – если не считать таковыми содержательно фиктивные (bullshit jobs) по Д. Греберу [Гребер 2018]. Последствия четвертой промышленной революции могут оказаться значительно масштабнее, чем итоги трех первых [Гидденс 2015, 89; Шваб 2016, 51; Форд 2016, 16].

Уже с 1990-х гг. тенденции к сокращению труда (экономически – процентному уменьшению его доли в ВВП [Шваб 2016, 24]) наблюдаются не только в производственной, но и в сервисной и управленческой сферах, границы между которыми по мере распространения цифровых технологий все больше размываются. Все более значительная доля производственной сферы приходится на выпуск информационных товаров, для создания которых привлекается минимум рабочей силы – тем более, что такого рода продукция практически не требует персонала и затрат для тиражирования, транспортировки и хранения. Внедрение новых технологий видоизменяет целые отрасли экономики. Речь идет о беспилотном транспорте (согласно расчетам, к 2030 г. в эксплуатации будет находиться 100 млн беспилотных автомобилей [Кинг 2018, 320-325] и «в будущем человек не будет управлять транспортным средством» [Уэмура 2017, 131]), а также об автоматизированной и онлайн-торговле, компьютерном биржевом трейдинге и др. Автоматизация и робототехника снижают потребность в труде и сокращают занятость не только в сельском хозяйстве и промышленности, но и в строительстве, грузовом и пассажирском транспорте, розничной торговле, сфере общественного питания и т.д. В исследовании 2013 г. «Будущее занятости» К.Б. Фрей и М.А. Осборн с помощью статистического моделирования проанализировали возможность автоматизации действий и навыков в рамках 702 профессий/специальностей. Результаты показали, что в ближайшем будущем потеря работы будет угрожать не только кассирам и таксистам, но и высококвалифицированным специалистам умственного труда – юристам, журналистам, финансовым аналитикам и др. [Харари 2018, 382]. По другим оценкам, к 2025 г. к программируемым устройствам, роботам и умным машинам отойдет каждая третья специальность [Кинг 2018, 144]; еще один прогноз предвещает автоматизацию 80% рабочих мест уже в ближайшие два десятилетия [Срничек 2019, 129].

От труда к досугу

В результате вышеупомянутых процессов трудовая сфера социальной жизни поступательно уступает досуговой. Труд и досуг в последнее время все глубже взаимно проникают друг в друга не только в хронологическом, но и в содержательно-сущностном отношении, вследствие чего высказываются предположения, что на смену «цивилизации труда» идет своего рода «цивилизация досуга» [Сидорина 2014]. Под воздействием информационных технологий труд и досуг сливаются одновременно с двух сторон: с одной стороны сотрудники уделяют время личным делам на работе, участвуя в общении в социальных сетях, электронной торговле и т.п., с другой – создают стоимость и в нерабочее время, отвечая на деловые электронные письма и выполняя разнообразные проектные задания дома, в выходные, в отпуске, путешествуя и т.д. [Мейсон 2016, 9, 189, 269]. Некоторые творческие работники даже добиваются такого взаимопроникновения: «нас не устраивают прежние жесткие границы между работой, домом и досугом», – формулирует эту позицию Р. Флорида от лица «креативного класса» [Флорида 2007, 27]. Посвящаемый потреблению досуг приобретает экономическое значение, фактически становясь элементом производственного цикла. Одновременно маркетинговая стимуляция побуждает работника больше работать, чтобы больше потреблять, сокращая тем самым свободное время [Понукалина 2011]. По мнению Г. Стэндинга, современный гибко занятый работ-

ник ежедневно/повседневню находится в подвешенном состоянии, он не структурирует и не контролирует свое время, так как «должен постоянно быть в полном распоряжении потенциальных потребителей его труда». Из-за размывания понятий рабочего места и рабочего времени он работает – или должен быть готов к работе – всегда и везде. Из-за этого индивид лишается качественного свободного времени, которое можно было бы посвятить приобщению к культуре и искусству, самообразованию, гражданской активности и т.д. В результате досуг и обесценивается, и оказывается в дефиците [Стэндинг 2014, 228–232].

Однако критически-пессимистические рассуждения и умозаключения по поводу досуга в «третичном рыночном обществе» не исчерпывают всей картины. Тот же автор приводит данные исследований, согласно которым с середины 1960-х гг. досуг американцев и американок увеличился на шесть и четыре часа в неделю соответственно [Стэндинг 2014, 228]. Такие показатели – далеко не предел: некоторые авторы приводят исторический прецедент, когда рабочая неделя с 1900-х по 1930-е гг. сократилась с шестидесяти часов до менее чем тридцати, при этом только за первое пятилетие Великой депрессии – на восемнадцать часов. Как напоминают Н. Срничек и А. Уильямс, П. Лафарг еще в начале XX в. доказывал, что «нелепая страсть рабочих к труду» есть результат индоктринации пролетариата трудовой моралью, аксиологией труда и воздержания, которые эксплуататорские классы проводят ради своей выгоды («попы, экономисты и моралисты объявили труд святым, превратили его в священнодействие»). Он предлагал ограничить рабочее время тремя часами в день («выковать железный закон, запрещающий человеку работать более 3 часов в сутки») [Лафарг 2012, 4, 14, 22]. В свою очередь, в начале 1930-х гг. Дж.М. Кейнс предсказывал, что через сто лет за счет накопления капитала и роста производительности труда уровень жизни возрастет в восемь раз, человечество решит экономическую проблему и столкнется с другой: «как использовать свою свободу от насущных экономических нужд, чем занять досуг, обеспеченный силами науки и сложного процента, чтобы прожить свою жизнь правильно, разумно и в согласии с самим собой?». Лишь для того, чтобы удовлетворить заложенную потребность в удовольствии от труда, людям понадобится «3-часовая смена или 15-часовая рабочая неделя, поскольку трех часов в день достаточно, чтобы ветхий Адам в каждом из нас был вполне удовлетворен!» [Кейнс 2009, 63, 65].

Однако в годы депрессии государство и бизнес пошли по другому пути, искусственно создавая рабочие места для борьбы с безработицей. После Второй мировой войны рабочая неделя в развитых странах вновь достигла уровня 40 часов и стабилизировалась на этой отметке [Срничек 2019, 167]. Н. Срничек и А. Уильямс, усматривая должный вектор социального развития в движении к посткапиталистическому/посттрудовому обществу, считают делом левых XXI в. «лишить труд его первостепенного значения». Дело сторонников общественного прогресса должны стать отказ от трудовой этики и борьба за сведение труда к минимуму: «традиционный боевой клич левых, требующих полной занятости, должен смениться на боевой клич, требующий полной незанятости» [Срничек 2019, 83–184].

Не склоняясь к какой-либо из разновидностей многоликого левого дискурса, автор считает, что немалым эвристическим потенциалом обладает концепция посттрудового общества, одной из предпосылок движения к которому можно считать использование обусловленного автоматизацией повышения производительности труда не для роста производства товаров и услуг, а для сокращения работы. По крайней мере некоторые исследования подтверждают, что современный горожанин обладает значительным досугом, но хочет иметь еще больше свободного времени, предпочитая меньше работать и больше зарабатывать. По подсчетам Ж. Виара, европеец из всего времени своей жизни расходует на трудовую деятельность только 12%. Согласно исследованию Д. Малгана, большая часть представителей среднего класса европейских городов предпочитает получить еще

один свободный день в неделю вместо увеличения зарплаты на 20%. «Большинство выбирает свободный день», – резюмирует А.Н. Новиков. – «Сейчас это мировой тренд» [Новиков 2017, 58]. Трудно сказать, насколько предпочтения городского среднего класса развитых европейских стран можно считать мировым трендом (в США также появился микротренд «работа в рамках» – растущая часть американцев не считают работу определяющим фактором жизни, а лишь ее частью, и не самой важной [Пенн, Файнман 2019, 342]), но все же стоит признать реальностью наметившуюся перемену – от стремления к большему доходу к стремлению к большему досугу.

Труд как антиценность

После рассмотрения отношения к труду в постиндустриальную эру стоит взглянуть на то, каким оно было в эру доиндустриальную. До индустриальной революции понятия труда и ценности, работы и счастья скорее исключали друг друга, чем предполагали. По словам Г. Стэндинга, «древние греки понимали, что смешно и нелепо оценивать все с точки зрения труда» [Стэндинг 2014, 31]. Древние римляне также рассматривали *negotium* как негацию *otium*: труд как «досада» и «неприятность» отрицал покой/досуг, был буквально «не-досугом» [Гуревич 1990, 36]. Для христианского Средневековья в семантике «работы» понятия «труд» и «рабство» слабо отделялись друг от друга – данное занятие низших сословий и классов имело отрицательную ценность и рассматривалось как диаметрально противоположность праксиса/досуга, т.е. самоцельной деятельности высших [Черных 1999, 91-92; Сидорина 2014, 61-64]. Трудовая деятельность (особенно работа по найму) приобрела высокий этический и аксиологический статус только в эпоху капиталистического модерна.

В доиндустриальный период не только труд, но и экономика в целом фактически растворялись в социальном контексте, экономическое мышление и товарно-денежные отношения выступали формой услуги- и дарообмена [Ле Гофф 2010, 167, 198-199; Бурдьё 2019, 59, 82]. Словами Д. Гребера, «еще триста лет назад “экономики” как таковой не существовало, по крайней мере в том смысле, что люди не говорили о ней как об обособленной сфере со своими собственными законами и принципами» [Гребер 2015, 405]. «В обществах древности, крестьянских обществах недавнего прошлого и современности и в тех, которые сейчас изучает антропология, экономическая сторона жизни, как правило, неотделима от всех остальных», – указывает К. Леви-Стросс [Леви-Стросс 2016, 78]. Настолько же, насколько труд понимали как деятельность по производству материальных благ для удовлетворения общественных потребностей, его рассматривали как удел рабов и вилланов – унижительное занятие социальных низов, недостойное гражданина/дворянина, который осуществляет деятельность лишь ради нее самой, что и означает досуг.

Как указывает А.Я. Гуревич, в античном мире «труд не мог считаться добродетелью, более того, он вообще не рассматривался как существенный признак человека». Гражданин – это «личность, развивающая себя вне сферы материального производства», для которой труд считается «отклонением от нормального образа жизни», Термин *πόνοc* означает не только «труд», но и «тягота», «страдание», «болезнь». «Физический труд – мука и боль – удел несвободных и низших, тяжелое и нечистое занятие, унижающее человека и приближающее его к скотине» [Гуревич 1972, 192-193]. В отличие от данной позиции, христианство, которое изначально распространялось преимущественно среди тех самых «несвободных и низших», смотрело на труд как на нормальное и даже нормативное занятие человека. «Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – писал апостол Павел во Втором послании к Фессалоникийцам. – «Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещиваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая

в безмолвии, ели свой хлеб» [Библия 1976, 1299]. Однако сам Иисус Христос не работал и учил людей быть подобными птицам небесным и полевым лилиям, которые не трудятся, не прядут, не сеют, не жнут и не собирают в житницы, но их питает и одевает Отец Небесный (Мф. 6:26–30).

В Средневековье церковь рассматривала труд как следствие первородного греха; «безгрешное состояние человека, как и пребывание его вблизи бога, не предполагало труда» [Гуревич 1972, 238]. Соответственно, трудящийся мирянин на лестнице восхождения к Богу занимал низшую ступень по сравнению с духовенством (особенно с монашеством), *laboratores* стояли ниже *bellatores* и *oratores*. Для последних труд был не экономической категорией, а инструментом аскезы, с помощью которого они обуздывали плоть, вырабатывали самодисциплину и прилежание. Сама по себе трудовая деятельность не должна была отвлекать от духовных упражнений; в воскресные и праздничные дни, которые составляли третью часть года, работать категорически запрещалось.

Следует отметить, что и в эпоху Нового времени, несмотря на формирование протестантской трудовой этики, отношение к труду оставалось преимущественно отрицательным (особенно в непротестантских странах). Как указывает Л. Февр, во Франции в XVI в. труд стал обозначаться словом «*travail*», тогда как за терминами «*labouger*» и «*ouvrer*» закрепились значения обработки земли (первое) и филантропического рукоделия (второе). Весьма показательны, что «*travail*» произошло от слова «*tripalare*», которое обозначало пытку посредством «*tripalium*» – сооружения из трех бревен, к которому в Древнем Риме привязывали наказываемого раба для бичевания. От «*tripalium*» произошли слова со значением «работа» также в испанском, португальском, галисийском, каталонском, сардинском языках. В славянских языках «труд»/«*trud*» также связан с трудностью и тяжестью, напряжением, усилием, утомлением, беспокойством, болезнью, страданием, тревогой, горем и т.п. Исходное индоевропейское **tr-eu-d-* имело значения «мять», «жать», «давить», «щемить» [Черных 1999, 266]. «Еще в XVII веке слово “*travail*” сохраняло печать своего происхождения», – пишет французский историк. – «Оно обозначало иной раз затруднение, бремя, страдание и даже – унижение». Значения «забота», «усталость» сохранялись и в середине XVIII столетия. В том же XVII в. янсенисты Пор-Рояля в рамках «упражнений» в набожности практиковали ручной труд ради самоуничижения: они пахали, копали, косили, жали и занимались иными работами «еще более унижительными, нежели утомительными». В изданном в 1748 г. трактате «О духе законов» Ш. де Монтескье рассматривал труд как мучение, и даже в сочинениях авторов начала XIX в. понятие «труд» связывалось со страданием, нищетой, эксплуатацией и т.п. [Февр 1991, 364–366]. Таким образом, в аграрном обществе отношение к труду было преимущественно негативным. В истории европейской цивилизации данная тенденция продолжалась от античности до промышленной революции.

* * *

Подводя итоги, автор рискует высказать предположение, что отношение к труду в постиндустриальном обществе не может не отличаться от существовавшего в индустриальном, и в то же время может сближаться с представлениями доиндустриального периода. Вероятно, развитие ценностной негации труда будет интенсифицироваться по мере его сокращения, социально-психологически компенсируя тем самым невозможность трудоустройства все большей части трудоспособного населения. Постиндустриальная система ценностей и, в частности, трудовая этика, будут постепенно приобретать квази-досовременный характер. Автор не считает, что нас ждет Новое Средневековье, но намечается определенное движение в данную сторону, в связи с чем текущая ситуация нуждается в исследовательском внимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Akademia. 944 с.
- Библия (1976). М.: Московская патриархия.
- Бурдые П. (2019) Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992-1993). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 408 с.
- Вебер М. (2006) Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 656 с.
- Волков Ю.Е. (2009) К выработке современного представления о сущности труда // Социологические исследования. № 3. С. 27–35.
- Гидденс Э. (2015) Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 240 с.
- Гребер Д. (2015) Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс. 496 с.
- Гребер Д. (2018) Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: «Ад Маргинем Пресс». 440 с.
- Гуревич А.Я. (1972) Категории средневековой культуры. М.: «Искусство». 350 с.
- Гуревич А.Я. (1990) Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство. 396 с.
- Жвитиашвили А.Ш. (2013) Рабочий класс в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. № 2. С. 34–41.
- Кейнс Дж.М. (2009) Экономические потребности для наших внуков // Вопросы экономики. № 6. С. 60–69.
- Кинг Б., Лайтман А., Рангасвами Дж.П., Ларк Э. (2018) Эпоха дополненной реальности. М.: Олимп-Бизнес. 528 с.
- Колганов А.И., Бузгалин А.В. (2014) Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социологические исследования. № 1. С. 80–94.
- Краткий философский словарь (1954). М.: Госполитиздат. 704 с.
- Кутырев В.А. (2017) Отдадим труд машинам... Что будет с человеком? // Человек. № 5. С. 68–74.
- Лафарг П. (2012) Право на лень. Религия капитала. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 216 с.
- Ле Гофф Ж. (2010) Средневековые и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ. 221 с.
- Леви-Стросс К. (2016) Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М.: Текст. 160 с.
- Мартыанов В.С. (2017) Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // Социологические исследования. № 5. С. 141–153.
- Мейсон П. (2016) Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс. 416 с.
- Новиков А.Н. (2017) На-стройка вместо стройки: свобода выбора вместо «проекта свободы» // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? Ред.-сост. И. Фурман. М.: Strelka Press. 216 с.
- Парайс Ф., Вандерборхт Я. (2020) Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 440 с.
- Пенн М., Файнман М. (2019) Микротренды, меняющие мир прямо сейчас. М.: Альпина Паблишер. 430 с.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 592 с.
- Понукалина О.В. (2011) Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик // Журнал социологии и социальной антропологии. № 5. С. 210–218.
- Сидорина Т.Ю. (2014) Цивилизация труда: заметки социального теоретика. СПб.: Алетейя. 400 с.
- Сидорина Т.Ю. (2018) Жизнь без труда или труд во спасение? СПб.: Алетейя. 188 с.
- Срничек Н., Уильямс А. (2019) Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press. 336 с.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.
- Тоффлер Э. (2004) Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ». 345 с.
- Уэмура Н. (2017) Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. № 4. С. 122–131.

- Февр Л. (1991) Бой за историю. М.: Наука. 632 с.
Философский энциклопедический словарь (1989). М.: «Советская энциклопедия». 840 с.
Фишман Л.Г., Мартъянов В.С., Давыдов Д.А. (2019) Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 416 с.
Флорида Р. (2007) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI». 430 с.
Форд М. (2016) Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн. 430 с.
Фукуяма Ф. (2005) Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак. 588 с.
Харари Ю.Н. (2018) Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад. 496 с.
Хейзинга Й. (1992) Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс. 464 с.
Черных П.Я. (1999) Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. М.: Русский язык.
Шваб К. (2016) Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо. 208 с.
Энгельс Ф. (1941) Диалектика природы. М.: Госполитиздат. 352 с.

REFERENCES

- Bell D. (2004) *Grjadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Akademia. 944 p.
Biblia [Bible] (1976). Moscow: Moskovskaja patriarhija.
Bourdieu P. (2019) *Jekonomicheskaja antropologija: kurs lekcij v Kollezhe de Frans (1992-1993)* [Economic Anthropology - Course at the Collège de France 1992-1993]. Moscow: Delo. 408 p.
Chernykh P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. In 2 Volumes. Vol. 2. Moscow: Russkii yazyk.
Engels F. (1941) *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Moscow: Gospolitizdat. 352 p.
Febvre L. (1991) *Boi za istoriju* [Combats for History]. Moscow: Nauka. 632 p.
Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. (1989) Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. 840 p.
Fishman L.G., Mart'janov V.S., Davydov D.A. (2019) *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rent Society: in the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 416 p.
Florida R. (2007) *Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow: Klassika-HHI. 430 p.
Ford M. (2016) *Roboty nastupajut: Razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty* [Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future]. Moscow: Al'pina non-fiction. 430 p.
Fukuyama F. (2005) *Konec istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: Ermak. 588 p.
Giddens A. (2015) *Nespokoinyi i mogushchestvennyi kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?]. Moscow: Delo. 240 p.
Graeber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: The First 5000 Years]. Moscow: Ad Marginem Press. 496 p.
Graeber D. (2018) *Bredovaja rabota. Traktat o rasprostranении bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: A Theory]. Moscow: Ad Marginem Press. 440 p.
Gurevich A.Ja. (1972) *Kategorii srednevekovoj kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo. 350 p.
Gurevich A.Ja. (1990) *Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvujushhego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo. 396 p.
Harari Y.N. (2018) *Homo Deus. Kratkaja istorija budushhego* [Homo Deus: A Brief History of Tomorrow]. Moscow: Sindbad. 496 p.
Huizinga J. (1992) *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnja* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Moscow: Progress. 464 p.
Keynes J.M. (2009) *Jekonomicheskie potrebnosti dlja nashih vnukov* [Economic Possibilities for our Grandchildren]. *Voprosy jekonomiki*. no. 6, pp. 60–69.
King B., Lightman A., Rangaswami J. P., Lark A. (2018) *Jepoha dopolnennoj real'nosti* [Smart Life]. Moscow: Olimp-Biznes. 528 p.

- Kolganov A.I., Buzgalin A.V. (2014) Reindustrializacija kak nostalgija? Teoreticheskij diskurs [Re-industrialization as Nostalgia? Theoretical Discourse]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 1, pp. 80–94.
- Kratkij filosofskij slovar' (1954) [Brief Philosophical Dictionary]. Moscow: Gospolitizdat. 704 p.
- Kutyrev V.A. (2017) Otdadim trud mashinam... Chto budet s chelovekom? [We'll Give the Labor to the Machines ... What Will Happen to the Man?]. *Chelovek*. no. 5, pp. 68–74.
- Lafargue P. (2012) *Pravo na len'. Religija kapitala* [The Right to be Lazy. The Religion of Capital]. Moscow: LIBROKOM. 216 p.
- Le Goff J. (2010) *Srednevekov'e i den'gi: ocherk istoricheskoy antropologii* [The Middle Ages and Money: An Essay on Historical Anthropology]. St.-Petersburg: EVRAZIA. 221 p.
- Lévi-Strauss C. (2016) *Uznavat' drugih. Antropologija i problemy sovremennosti* [Anthropoligy Faced with the Problems of the Modern World]. Moscow: Tekst. 160 p.
- Mart'janov V.S. (2017) Nashe rentnoe budushhee: global'nye kontury obshhestva bez truda? [Our Rental Future: Global Outlines of a Laborless Society?]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 5, pp. 141–153.
- Mason P. (2016) *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu* [PostCapitalism. A Guide to Our Future]. Moscow: Ad Marginem Press. 416 p.
- Novikov A.N. (2017) Na-strojka vmesto strojki: svoboda vybora vmesto «proekta svobody» [Adjustment Instead of Construction: Freedom of Choice Instead of the “Project of Freedom”]. In: *Gorozhanin: chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda?* [Citizen: What Do We Know about a Resident of a Big City?]. Ed. end comp.: Furman I. Moscow: Strelka Press. 216 p.
- Parijs Ph. Van, Vanderborght Y. (2020) *Bazovyy dohod. Radikal'nyj projekt dlja svobodnogo obshhestva i zdorovoj jekonomiki* [Basic Income. A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 440 p.
- Penn M., Fineman M. (2019) *Mikrotrendy, menjajushhie mir prjamo sejchas* [Microtrends Squared. The New Small Forces Driving The Big Disruptions Today]. Moscow: Al'pina Publisher. 430 p.
- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Press. 592 p.
- Ponukalina O.V. (2011) Trud i svobodnoe vremja v diskurse potrebitel'skih praktik [Work and Leisure in the Discourse of Consumer Practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. no. 5, pp. 210–218.
- Schwab K. (2016) *Chetvertaja promyshlennaja revolyucija* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Jeksmo. 208 p.
- Sidorina T.Yu. (2014) *Tsivilizatsiya truda: zametki sotsial'nogo teoretika* [Civilization of Labor: Notes of the Social Theorist]. St.-Petersburg: Aletejja. 400 p.
- Sidorina T.Yu. (2018) *Zhizn' bez truda ili trud vo spasenie?* [Life Without Work or Work for Salvation?]. St.-Petersburg: Aletejya. 188 p.
- Srniec N., Williams A. (2019) *Izobretaja budushhee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future. Postcapitalism and a World Without Work]. Moscow: Strelka Press. 336 p.
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem. 328 p.
- Toffler A. (2004) *Tret'ja volna* [The Third Wave]. Moscow: AST. 345 p.
- Uemura N. (2017) *Obshhestvo 5.0: vzgljad Mitsubishi Electric* [Society 5.0: Mitsubishi Electric's View]. *Jekonomicheskie strategii*. no. 4, pp. 122–131.
- Volkov Ju.E. (2009) K vyrabotke sovremennogo predstavlenija o sushhnosti truda [Towards the Development of a Modern Understanding of the Essence of Labor]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 3, pp. 27–35.
- Weber M. (2006) *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: ROSSPJeN. 656 p.
- Zhvitiashvili A.Sh. (2013) *Rabochij klass v postindustrial'nom obshhestve* [Working Class in a Post-industrial Society]. *Sociologicheskie issledovaniya*. no. 2, pp. 34–41.

Информация об авторе

Шипилов Андрей Васильевич, доктор культурологии, профессор кафедры философии, экономики и социально-экономических дисциплин Воронежского государственного педагогического университета. Адрес: Ленина ул., д. 86, Воронеж, 394043. E-mail: andshipilo@yandex.ru

About the author

Andrey V. Shipilov, Doctor of Sciences (Culturology), Professor, Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh State Pedagogical University. Address: 394043, Voronezh, Lenina st., 86. E-mail: andshipilo@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 25.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.11.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 17.11.2021